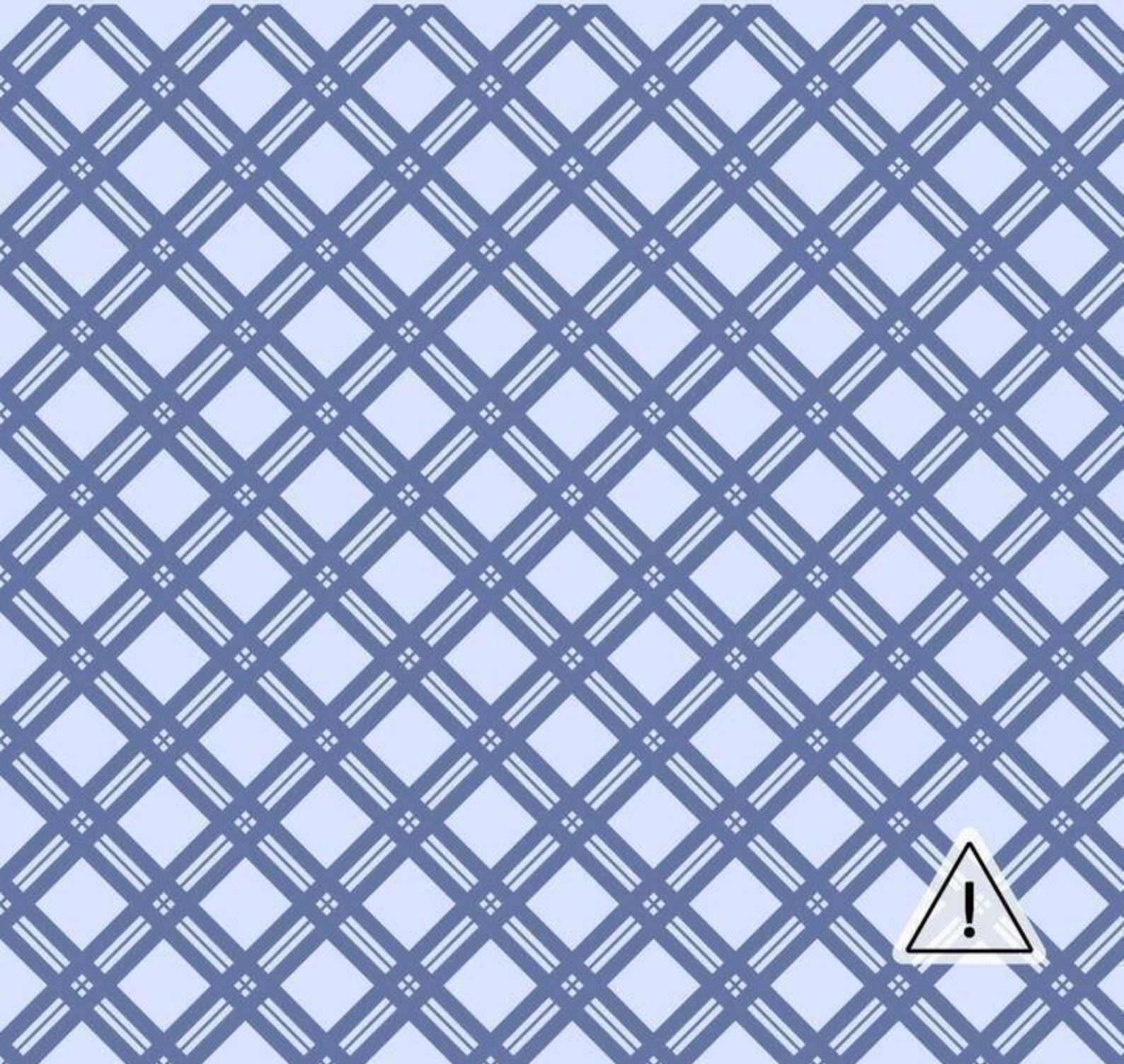
18+

Михаил Качеев

Мрак и вакцина. Книга 2

Дорога сквозь пепел



Михаил Качеев

Мрак и вакцина. Книга 2. Дорога сквозь пепел

«Издательские решения»

Качеев М.

Мрак и вакцина. Книга 2. Дорога сквозь пепел / М. Качеев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Мрак и вакцина: дорога сквозь пепел. Часть 2» — жесткий постапокалиптический роман Михаила Качеева. Бывалый байкер Силас и юная Яна везут через заснеженную Пустошь двести ампул вакцины от мутировавшего кордицепса. На пути к Соленому Озеру их ждут секты людоедов, смертоносные коллекторы Денвера, падающие небоскребы и погоня на бронепоезде.

© Качеев М.
© Издательские решения

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ 6
Глава 16. Алтарь из ржавой стали 7
БАМ-М-ХРЯСЬ! 11
Глава 18. Солнечный зайчик над бездной 17
ГР-Р-РЯСЬ! 19
ВЖ-Ж-Ж-БУМ-М-М! 20
Глава 19. Эхо подземных рельсов 22
Глава 20. Белый туман Айзенхауэра 24
Глава 21. Пепел Белого Сада 27
ПШ-Ш-БУХ! 30
КЛАЦ! ВЖ-Ж-Ж-Ж! 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Мрак и вакцина. Книга 2
Дорога сквозь пепел

Михаил Качеев

© Михаил Качеев, 2026

ISBN 978-5-0071-6298-2 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-6215-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ

• **Часть I: Скалистые хребты и Белый Туман**
— Глава 16. Алтарь из ржавой стали
— Глава 17. Механика света и белая «Блажь»
— Глава 18. Солнечный зайчик над бездной
— Глава 19. Эхо подземных рельсов
— Глава 20. Белый туман Айзенхауэра
— Глава 21. Пепел Белого Сада
— Глава 22. Белая ярость серпантина
• **Часть II: Мертвый Денвер и Нижний Город**
— Глава 23. Железное сердце и слепые птицы
— Глава 24. Кости стального города
— Глава 25. Доказательство жизнью
— Глава 26. Ржавые вены Нижнего Денвера
— Глава 27. Танец над пропастью
— Глава 28. Последний затвор
— Глава 29. Шестерни преисподней
— Глава 30. Вертикальный погост
— Глава 31. Точка хрупкости
• **Часть III: Каньоны и Соленое Озеро**
— Глава 32. Мембрана и лазерный лабиринт
— Глава 33. Частота 144.800
— Глава 34. Кровь, бензин и эфирные призраки
— Глава 35. Стальной «Цербер» и Дьявольский Мост
— Глава 36. Камертон гранитной горы

Глава 16. Алтарь из ржавой стали

Горный воздух Колорадо должен был пахнуть хвоей и талым снегом, но на подходе к ущелью «Чертова Глотка» ветер принес совсем другой дух — приторно-сладкий, маслянистый смрад вареного мяса, смешанный с едким дымом сырой солярки и знакомой до тошноты кислятиной цветущего мицелия.

Мотоцикл под ними шел ровно, глухо урча одноцилиндровым многотопливным дизелем. За три недели пути от «Ковчега-7» армейский KLR650 покрылся благородным слоем серой дорожной пыли и копоти, но белые трафаретные буквы «ПРОРОК» на матовом черном баке все еще выделялись четко, словно свежий шрам. В сдвоенных бронированных кофрах по бокам заднего маятника, упакованные в вакуумные термосы с жидким азотом, глухо позвякивали на ухабах двести ампул «Штамма-Яна».

Силас выжал тугой рычаг сцепления и сбросил передачу вниз, пуская тяжелую машину накатом за изгиб гранитной скалы. Левая ключица, скрепленная титановой пластиной доктора Вэнса, привычно заныла от вибрации руля и октябрьской сырости, отдавая тупой, выкручивающей болью под лопатку. Он заглушил мотор, откинул боковую подножку на крошащийся асфальт старого федерального шоссе US-40 и сдвинул на лоб защитные очки.

— Приехали, — тихо бросил он, расстегивая клапан нагрудного подсумка и проверяя ход затворной рамы своей верной «Ксюхи». — Дальше хайвей кончается. Доставай трубу, глазастая. Не нравится мне этот дым.

Яна бесшумно соскользнула с высокого заднего сиденья, поправив ремень помпового «Ремингтона» на плече ушитой по ее фигуре старой косухи Силаса. За последний месяц она изменилась: из движений окончательно ушла угловатая суетливость затравленного подростка, уступив место сухой, пружинистой собранности опытного следопыта.

Они распластались на холодном, поросшем рыжим мхом граните у края дорожного отбойника. Яна вытащила из кожаного тубуса отцовскую перископную трубу ТР-8, выдвинула рогатый объектив за выступ валуна и прильнула к окуляру. Через секунду ее пальцы на шершавом зеленом корпусе прибора побелели.

— Господи… — выдохнула она. — Силас, это не блокпост. Это скотобойня.

Силас подтянулся ближе, забрал у нее оптику и посмотрел вниз, туда, где узкое скальное ущелье сходилось клином.

Прямо поперек трассы, намертво вмурованные в отвесные гранитные стены каньона, возвышались колоссальные, высотой с пятиэтажный дом, двустворчатые гермоворота довоенного правительственного распределительного комплекса «Сектор-Ноль». Когда-то эта двухметровая толща серого бронебетона и легированной стали прикрывала въезд в сквозной транспортный туннель под Континентальным водоразделом — единственный путь на юг, к выжившим линиям метрополитена Денвера, который не заваливало десятиметровыми снежными лавинами в октябре.

Но сейчас ворота выглядели как декорация к кошмару безумного мясника.

Вся исполинская плоскость бронеплит была увешана сотнями человеческих скелетов и полуразложившихся тел, распятых на сваренных из арматуры восьмиконечных крестах, которые своей формой пугающе напоминали разросшиеся ветви грибницы. Черепа были выбелены хлоркой и расписаны ярко-белой люминесцентной краской. У подножия ворот, прямо между старыми бетонными надолбами, горели три огромных чана из разрезанных пополам топливных цистерн. Над ними на железных треногах висели закопченные мясницкие туши — безголовые, освежеванные, но явно не принадлежавшие ни оленям, ни мутировавшим медведям.

Вокруг чанов бродили десятка два людей в странных балахонах, сшитых из вывернутых наизнанку прорезиненных плащей химзащиты и человеческой кожи, поверх которых висели

гирлянды из пустых гильз и сушеных грибных шляпок. Над воротами, на месте сбитого герба армии США, тяжело хлопало на горном ветру огромное полотнище, где поверх бурых разводов запекшейся крови известковыми белилами было выведено: «ЖАТВА БЕЛОГО МИЦЕЛИЯ. ВКУСИ ПЛОТЬ ОЧИЩЕННУЮ — И НЕ УМРЕШЬ ВО ВЕКИ».

— «Сыны Искупления», — мрачно процедил Силас, переводя перекрестие перископа с чанов на верхнюю галерею плотины над воротами. — Вэнс предупреждал, что в предгорьях Колорадо завелся какой-то проповедник Иоанн, бывший тюремный капеллан из Кэньон-Сити. Эти ублюдки верят, что «Штамм-К» — это Божий фильтр. Они вываривают плоть выживших в щелочи и жрут ее, считая, что так забирают чужую жизненную силу и становятся невидимыми для щелкунов.

— И как, сильно помогает против слепых тварей? — Яна невесело усмехнулась одними уголками обветренных губ. Стянув зубами перчатку с правой руки, она развернула на ледяном граните потертую клеенчатую тетрадь Пророка, прижала углы тяжелыми латунными донцами гильз двенадцатого калибра, чтобы листы не рвало сквозняком из ущелья, и быстро пробежала пальцем по синим калькам горных коммуникаций.

— Нет. Зато они варят из глубинных споровиков какую-то белую дрянь — «Блажь». Колют ее себе в шею или дышат парами перед боем. Мозги выжигает за полгода, но пока штырит — человек не чувствует ни страха, ни раздробленных костей, а полудохлых бегунов они держат на цепях как охотничьих псов, обмазываясь вытяжкой из старых гнезд, чтобы твари принимали их за своих.

Силас поднял объектив трубы выше, к скальному карнизу на высоте тридцати метров над левой створкой ворот.

— Главная проблема не в людоедах внизу, мелкая. Посмотри наверх, на балку крана.

Яна взяла у него ТР-8 и навела наверх.

Сами гигантские ворота были приоткрыты всего на полметра — в эту узкую, черную щель не пролез бы даже мотоцикл без кофров, потому что нижние рельсы откатного механизма заросли метровым слоем окаменевшего шлака и костей. Но выше, прямо в скальной породе над порталом, виднелась старая техническая галерея аварийного шлюзового сброса. Поперек нее висел массивный чугунный противовес на толстых стальных канатах, удерживаемый двумя гидравлическими стопорами, а рядом на бетонной площадке блестела круглая полированная тарелка довоенного оптического реле — резервной системы аварийного открытия верхнего технического яруса, которую инженеры комплекса вывели наружу на случай отказа основных электросетей при ядерном ударе.

— Илья Матвеевич писал про эту систему! — Яна ткнула пальцем в чертеж в тетради, где синими чернилами была вычерчена схема каскадного противовеса. — Смотри: основные ворота весят по триста тонн каждая, их электроприводы давно мертвы. Но над ними есть верхний вентиляционный туннель для прохода инженерных тягачей! Его бронезаслонка связана тросами с этим внешним противовесом и заперта на фотоэлектрический замок резервного контура. Нам не нужно спускаться к чанам! Если мы поднимемся по вон той обвалившейся пожарной лестнице на правом утесе к старой диспетчерской вышке, подадим давление в гидромагистраль стопора и сфокусируем направленный луч света на приемную линзу реле — противовес рухнет вниз и своим весом поднимет верхнюю заслонку!

— А на байке мы туда как запорхнем, по воздуху? — Силас скептически прищурился, потирая затекшую шею и косясь на отвесный бетон портала. — У нас в кофрах жидкий азот, мелкая, а не гелий для воздушных шариков.

— По эстакаде старого рудоспуска! — Яна качнула стволом трубы влево, и в ее серых глазах мелькнул сухой, дерзкий огонек азарта. — Смотри: от подпорной стенки идет наклонный бетонный пандус прямо к верхнему ярусу! Да, посередине пролет обрушен метра на четыре,

торчит голая арматура, но уклон на заходе плавный. Если раскрутишь свой дизель на третьей передаче до отсечки — перелетим этот провал как по рельсам!

Силас уже открыл рот, чтобы сказать все, что он думает о прыжках через четырехметровые провалы на высоте десятиэтажного дома с двумястами ампулами жидкого азота за спиной, но в этот момент лес позади них взорвался звуком.

Это не был вой фрикеров.

Из густой, затянутой серым утренним туманом чащи сосен, всего в полумиле позади по трассе, по которой они только что приехали, ударил оглушительный, захлебывающийся рев сразу нескольких восьмицилиндровых моторов с выбитыми глушителями, сопровождаемый визгом церковных колоколов, привязанных к рамам, и хриплым, усиленным надрывающимися рупорами воплем:

— УЗРИТЕ АГНЦЕВ, БРАТЬЯ! ИХ КРОВЬ ЧИСТА, ИХ ПЕЧЕНЬ ТЕПЛА! БЕЛЫЙ САВАН ПРИМЕТ ИХ КОСТИ!

Из-за поворота хайвея, сшибая бамперами трухлявые сосны и разбрасывая комья мерзлой глины колесами, закованными в тяжелые лесовозные цепи, вылетели две машины. Впереди шел чудовищный гибрид лесовоза «Мак» и бульдозера, кабина которого была обшита ржавыми тюремными решетками и увешана клетками с беснующимися, брызжущими белой слюной полуслепыми бегунами. А за ним несся расписной, утыканный заточенными кусками рессор пикап, в кузове которого стоял полуголый гигант в маске из содранного волчьего черепа и крутил рукоять спаренного пулемета.

Дозорная группа сектантов возвращалась с ночной охоты и наткнулась на свежий след протектора KLR650 на глинистой обочине.

Внизу, у ворот аванпоста, тут же забили в подвешенный кусок рельса. Людоеды у чанов побросали тесаки и с воем кинулись к оружию и лебедкам.

Они оказались зажаты в узком каменном мешке между двадцатью психопатами у ворот впереди и двумя бронированными машинами сзади.

— План с тихим проникновением отменяется! — рявкнул Силас, одним движением вздергивая мотоцикл с подножки и ударяя каблуком по кикстартеру. Дизель рявкнул, выплюнув клуб черной солярочной копоти. — Прыгай в седло, мелкая! Сейчас проверим твой рудоспуск!

Яна на лету забросила тетрадь в сумку, вскочила на заднее сиденье, одновременно передергивая цевье «Ремингтона» с коротким, сочным металлическим лязгом, и развернулась вполоборота назад.

Силас не повел байк вниз по асфальту к чанам — он резко вывернул руль влево, бросая тяжелую машину прямо на крутой, засыпанный битым кирпичом и гнилыми шпалами склон насыпи, ведущей к бетонной эстакаде старого рудоспуска на правой стене каньона.

Крупнокалиберный пулемет с пикапа позади ударил длинной очередью. Пули со звонким визгом выбили фонтаны гранитной крошки прямо из-под заднего колеса; одна из них с сухим треском отсекла правый указатель поворота, но мотоцикл уже влетел на бетонный пандус эстакады, уходя вверх, над головами бегущих снизу сектантов.

— До разрыва сто метров! — крикнула Яна, вскидывая дробовик и с колена, в момент короткого затишья между рывками рамы, посылая заряд крупной картечи вниз, прямо в кузов приближающегося по нижней дороге пикапа. Выстрел снес стрелка в волчьем черепе с турели, заставив машину вильнуть и врезаться крылом в скалу. — Но на той стороне эстакады дверь в диспетчерскую вышку заколочена железными листами, Силас! Тормозить там негде — площадка три метра в ширину!

Силас посмотрел вперед сквозь очки.

Бетонный желоб эстакады круто уходил вверх под углом двадцать градусов и на высоте третьего этажа обрывался черным четырехметровым провалом — когда-то здесь рухнула цен-

тральная опора. За провалом оставался короткий огрызок бетонной площадки, который упирался прямо в зашитые кровельным железом гнилые деревянные ворота старой диспетчерской будки, нависающей над ущельем.

Тормозить после приземления на трех метрах обледенелого бетона означало гарантированно сорваться боком в тридцатиметровую пропасть, прямо в кипящие чаны людоедов.

— А кто сказал, что мы будем тормозить?! — прорычал Силас, переключаясь на третью передачу и выкручивая ручку газа до самого ограничителя. — Голову за мои плечи спрячь! Входим сквозь дверь!

Дизель KLR650 взревел на пределе оборотов. Шипованные колеса оттолкнулись от рваного, торчащего пучками ржавой арматуры края обрыва, и тяжелый мотоцикл с двумя всадниками взлетел над пропастью ущелья.

Под колесами на три бесконечные секунды промелькнули костры аванпоста, запрокинутые вверх белые лица сектантов в кожаных балахонах и распятые на воротах скелеты.

Байк с пушечным грохотом приземлился обоими колесами на самом краю ответной площадки. Подвеска сработала до жесткого пробоя, бетон под шипами треснул и осыпался вниз, но Силас даже не коснулся рычага тормоза — он чуть приподнял переднее колесо рывком руля на себя и на скорости пятьдесят миль в час направил двухсоткилограммовую стальную машину прямо в заколоченные двери диспетчерской.

БАМ-М-ХРЯСЬ!

Ржавое кровельное железо и трухлявые сосновые доски разлетелись внутрь темного помещения градом гнилых щепок, битого стекла и вековой пыли. Силас зажал оба тормоза одновременно, пуская байк в управляемый боковой юз по бетонному полу старой аппаратной; шины с диким визгом прочертили черную дугу среди опрокинутых железных шкафов, и мотоцикл остановился в полуметре от противоположной стены, выбив фарой кусок сухой штукатурки.

В ушах звенело. Из-под пробитого при ударе кожуха радиатора с шипением ударила тонкая струйка горячего тосола, перемешанная с белыми хлопьями спор, поднятых с пола.

Силас сбросил ногу с подножки и мгновенно вскинул АКС-74У, поводя стволом по темным углам разгромленной будки.

Но внутри живых людей не было.

Только в центре комнаты, прямо на старом пульте управления крановыми лебедками, сидело то, что когда-то было дежурным оператором этой вышки двадцать лет назад — намертво вросший в кресло скелет в истлевшей куртке дорожной службы, чья грудная клетка и череп давно превратились в огромный, сухой, похожий на окаменевший коралл куст мертвого мицелия.

А снаружи, снизу, по единственной сохранившейся стальной лестнице, ведущей с нижнего яруса аванпоста на эту площадку, уже загремели десятки кованых сапог и раздался яростный, нечеловеческий вой: штурмовики секты, вколовшие себе в шеи шприц-тюбики с мутной белой «Блажью», с мясницкими тесаками и самодельными огнеметами неслись наверх, чтобы выкурить наглецов из святилища, а внизу водитель лесовоза уже открывал клетки на платформе, выпуская на лестницу свору голодных, визжащих от запаха свежей солярки и крови бегунов.

— У нас минуты три, пока они не забили эту лестницу своими тушами! — Силас подскочил к выбитому дверному проему, отцепил от пояса трофейный «Кольт» в левую руку, а «Ксюху» зажал в правой, беря на прицел узкий лестничный марш снаружи. — Я держу вход! На тебе гидравлика стопора и то чертово зеркало на кране, Яна! Если через три минуты верхний шлюз не откроется — нам отсюда выходить только с парашютом!

Яна уже бросилась к противоположной стене диспетчерской, где за разбитым панорамным окном, нависающим прямо над пропастью ущелья, виднелись ржавые рычаги аварийного гидроузла и уходящая по шаткой стальной ферме к самому центру ворот система поворотных прожекторов.

Глава 17. Механика света и белая «Блажь»

Пыль, поднятая влетевшим в диспетчерскую мотоциклом, еще не успела осесть, кружась в косых лучах холодного октябрьского солнца, пробивающихся сквозь выбитые рамы. Она пахла сухой известью, мышиным пометом, гнилой бумагой и чем-то древним — тем особенным, мертвым запахом помещений, в которые двадцать лет не ступала нога человека.

Силас прижался правым плечом к бетонному откосу развороченного дверного проема. Под подошвами его тяжелых, окованных сталью ботинок хрустели осколки армированного стекла и щепки выбитых ворот. Левое плечо, принявшее на себя основную отдачу при приземлении передней вилки на край эстакады, горело так, словно титановая спица внутри ключицы раскалилась добела и теперь медленно плавила кость. Он коротко, беззвучно выдохнул сквозь сжатые зубы, загоняя боль обратно в подкорку — туда, где у него хранились все старые переломы, ожоги и воспоминания, которым не полагалось мешать пальцу на спусковом крючке.

Внизу, под тридцатиметровым обрывом эстакады, у чанов аванпоста ревела и клубилась живая, безумная масса.

Сектанты не прятались за укрытиями. Для обычных рейдеров или даже вышколенных егерей «Легиона» пулеметный или автоматный огонь сверху был сигналом залечь за бетонные блоки и искать обходной маневр. Но эти были другими. Те, кто стоял у костров, на бегу срывали с груди висящие на кожаных шнурках стеклянные ампулы с мутной, опалесцирующей жижей — вытяжкой из глубинного белого мицелия, смешанной с довоенным стимулятором — раздавливали их прямо в ладонях или бились лбами о железные стойки чанов, втирая в свежие порезы на коже.

Зрелище было тошнотворным и пугающим одновременно. Через десять секунд после попадания «Блажи» в кровь люди переставали быть людьми, превращаясь в нечто среднее между фанатиками и теми самыми бегунами, которых они держали в клетках. Их зрачки расширялись во всю радужку, заливая глаза чернильной чернотой, изо рта начинала течь густая белая слюна, а движения становились рваными, дергаными, лишенными всякой человеческой пластики.

Один из культистов внизу — тощий, в фартуке из содранной человеческой кожи, — наступив босой ногой прямо в догорающие угли под чаном, даже не посмотрел вниз. Не замечая запаха собственной паленой плоти, он поднял над головой кусок заточенной рессоры и завыл на одной высокой, вибрирующей ноте, глядя вверх, на чернеющий пролом диспетчерской вышки.

«Они хуже фрикеров, — холодно подумал Силас, переводя флажок АКС-74У на одиночный огонь и проверяя пальцем, сколько патронов осталось в пристегнутом магазине. — У фрикера хотя бы нет в руках дробовика и бутылки с зажигательной смесью. А этим ублюдкам проповедник выжег инстинкт самосохранения подчистую».

Он оглянулся через плечо внутрь полутемной будки.

Яна уже стояла у массивного, покрытого слоями облупившейся зеленой краски и бурой ржавчины гидравлического распределителя у дальней стены, прямо рядом с креслом, в котором белел проросший сухим коралловым мицелием скелет довоенного диспетчера. На полу под ногами девушки валялись рассыпанные перфокарты, пожелтевшие журналы учета грузов за октябрь 2013 года и разбитые телефонные аппараты.

— Силас, здесь три контура! — голос Яны был напряженным, она лихорадочно сверяла переплетение толстых медных и стальных трубок на стене с чертежом в раскрытой тетради Пророка, которую положила прямо на колени мертвеца в кресле. — Магистраль основного противовеса идет через правый золотниковый клапан, но манометр на нуле! В системе нет масла — сальники высохли за двадцать лет, вся гидравлическая жидкость вытекла в поддон! Если я просто дерну рычаг сброса стопора, поршень не сдвинется с места, его заклинило ржавчиной под нагрузкой в пятьдесят тонн!

По узкой стальной лестнице снаружи, приваренной зигзагами к отвесной стене утеса, уже загрохотали десятки ног.

Первыми неслись выпущенные из клеток лесовоза «гончие» сектантов — пятеро оголодавших, покрытых струпьями и язвами бегунов, которым людоеды предварительно выкололи глаза раскаленными спицами и продели сквозь щеки стальную проволоку, чтобы те не могли жрать друг друга в тесноте, но бросались на любой звук и запах свежего пота. Твари летели вверх по крутым ступеням на всех четырех конечностях, цепляясь обломанными в кровь когтями за ржавую просечку металла, визжа и захлебываясь слюной. А сразу за ними, прикрываясь живым щитом из зараженных, поднимались восемь штурмовиков «Жатвы» с самодельными щитами из автомобильных капотов, обрезами и горящими факелами.

До верхней площадки оставалось два лестничных пролета — меньше двадцати метров.

Силас вжал приклад «Ксюхи» в правое плечо. Ствол коротко, сухо рявкнул три раза подряд.

Так! Так! Так!

Дистанция была пистолетной, а лестничный марш — узким, не шире метра. Первая пуля 5.45 со стальным сердечником вошла головному бегуну точно в темя, пробив череп вдоль позвоночника, вторая раздробила коленный сустав бегущей следом твари, заставив ее с воем рухнуть поперек ступеней и подмять под себя третью. На узком пролете мгновенно образовалась куча-мала из визжащих, кусающих друг друга тел.

Но штурмовиков секты это не остановило.

Идущий первым верзила с выжженным на лбу восьмиконечным крестом просто наступил сапогом на хребет копошащегося под ногами мутанта и, оттолкнувшись от него как от ступеньки, перепрыгнул завал, на ходу вскидывая двуствольный обрез двенадцатого калибра.

Силас выстрелил на опережение. Пуля прошила культисту правое легкое навылет — сзади из его прорезиненного балахона вылетело облачко кровавых брызг и кусок грязной ваты, — но накачанный «Блажью» фанатик даже не сбился с шага. Он лишь хрипло, булькая кровью в трахее, оскалил спиленные напильником под треугольники зубы и нажал на оба спуска обреза одновременно.

Силас едва успел отдернуть голову за бетонный откос. Заряд крупной рубленой картечи и гвоздей со страшным визгом ударил в край дверного проема, отколов кусок железобетона величиной с кулак и обдав лицо байкера острой каменной пылью, которая больно посекла щеку под очками.

— Черти обдолбанные! — прорычал Силас, меняя угол прицеливания и кладя две пули подряд точно в переносицу верзилы. Только когда свинец разнес продолговатый мозг, тело сектанта рухнуло назад, сбив с ног двоих идущих следом. — Яна! Мне плевать, что там высохло! Залей в бачок что угодно — воду из фляги, солярку из нашего бака, хоть тормозуху из мотоцикла слей! Если ты не дашь давление в этот чертов цилиндр через две минуты, они нас тут живьем зажарят!

Внутри диспетчерской Яна металась между гидроузлом и вкаченным в комнату KLR650. Ее взгляд упал на пробитый при таране дверей кожух радиатора мотоцикла, откуда на бетонный пол все еще капала горячая зеленоватая жидкость, и на резервный бачок отработки моторного масла, закрепленный на раме для смазки цепи.

— Антифриз и отработка! — крикнула она, выхватывая из ножен на поясе отцовский охотничий нож и одним ударом перерезая резиновый патрубок маслобака на мотоцикле. — Нам нужно всего полтора литра вязкой жидкости в ручной плунжерный насос, чтобы создать гидроудар на штоке стопора! Но тут давление нужно поднять до сорока атмосфер, Силас, у меня у одной сил не хватит продавить закисший рычаг!

— Сначала залей и прокачай воздух из клапана! — Силас выдернул из подсумка на груди последний оставшийся с метеостанции подарок покойных гвардейцев — боевых осколочных «лимонок» на разгрузке уже не оставалось, зато в боковом кармане сидела банка с загущенной напалмовой смесью, которую он сам сварил в мастерской «Ковчега» из бензина, хозяйственного мыла и отработки в старой алюминиевой фляге. Он зажал автомат под мышкой здоровой руки, чиркнул зажигалкой по фитилю и, не глядя, швырнул горящую фляжку вниз, на средний пролет лестницы, где уже снова сгрудились пятеро сектантов и два оставшихся бегуна.

Внизу глухо лопнул тонкий алюминий, и лестничный пролет на три метра залило ревущим, липким оранжевым пламенем.

Раздался жуткий, нечеловеческий вой — горели бегуны, чья сухая, проросшая споровиком кожа вспыхивала как береста. Обычные люди отступили бы вниз. Но двое сектантов в горящих, плавящихся на теле прорезиненных плащах химзащиты, объятые пламенем с ног до головы, продолжали молча, с безумными, вытаращенными глазами и тесаками в руках карабкаться вверх по раскаленным ступеням прямо сквозь огонь.

Силас хладнокровно, как в тире, расстрелял обоих в голову одиночными, уложив их горящие тела поверх первого трупа так, что на верхнем пролете образовался настоящий огненный

баррикадный вал из тлеющего мяса и резины. Дым — черный, жирный, удушливый — повалил внутрь диспетчерской.

Он отскочил от проема вглубь комнаты, кашляя от гари, и бросился к гидроузлу, где Яна уже закручивала массивную латунную пробку заливной горловины ручного насоса, перемазавшись по локти в черной масляной отработке и зеленом тосоле.

— Клапан стравливания закрыла?! — рявкнул Силас, хватаясь здоровой правой рукой за длинную, метровую стальную рукоятку плунжерного насоса, торчащую из чугунного корпуса.

— Закрыла! Качай! — Яна вцепилась в ту же рукоятку обеими руками рядом с его перчаткой, наваливаясь всем своим небольшим весом. — Нужно сорвать прикипевший поршень с мертвой точки! Если манометр дойдет до красной риски, стопор снаружи на балке отстрелит автоматически!

Они нажали вдвоем.

Рычаг не сдвинулся ни на миллиметр. За двадцать лет горных морозов и сырости стальной плунжер внутри цилиндра буквально сварился с чугунными стенками слоем каменной ржавчины. Насос стоял мертво, как вкопанный в скалу монолит.

Снаружи, за огненной баррикадой на лестнице, раздался лязг железных крючьев — снизу подогнали тот самый бронированный лесовоз «Мак». Сектанты зацепили тросом лебедки решетку лестничного пролета, пытаясь либо сдернуть горящие трупы со ступеней, либо вообще обрушить всю лестницу вместе с балконом диспетчерской. По стене будки пробежала крупная дрожь, с потолка посыпалась штукатурка, а снизу снова ударил пулемет, прошивая гнилые деревянные стены вышки навылет; пули со свистом кромсали железные шкафы с документами на высоте груди, заставляя их пригнуться к самому полу.

— Не идет! — отчаянно выкрикнула Яна, ее мокрые от масла ладони соскользнули по стальной трубе рычага, сдирая кожу на костяшках. — Силас, он прикипел намертво! Нам нужен рычаг длиннее!

Силас посмотрел на прогибающуюся под ударами пуль стену, потом на мертвый рычаг насоса, а затем — на свой мотоцикл, стоящий в трех шагах.

Его мозг механика, привыкшего выкручивать сорванные шпильки в полевых условиях без съемников, сработал за долю секунды.

— Отойди в угол за чугунную тумбу! — скомандовал он, отпуская рукоятку насоса и бросаясь к седельным сумкам байка.

Он выдернул оттуда бухту тонкого, но сверхпрочного стального буксировочного троса толщиной в палец (сплетенного в «Ковчеге» из авиационных тяг управления), одним концом захлестнул его мертвой удавкой за верхушку рычага гидронасоса, перебросил трос через чугунный шкив старой кран-балки под потолком комнаты, чтобы изменить вектор тяги сверху вниз на горизонтальный, а второй конец с карабином пристегнул прямо к задней буксировочной проушине маятника мотоцикла KLR650.

— Силас, ты вырвешь весь насос из стены вместе с трубами! — крикнула Яна из-за чугунного пульта, закрывая голову руками от летящих по комнате щепок и рикошетов.

— Либо мы сорвем этот чертов поршень, либо останемся здесь на ужин этим людоедам! — Силас вскочил в седло мотоцикла прямо посреди тесной четырехметровой комнаты, зажал передний тормоз, выжал сцепление, воткнул первую, самую тяговую пониженную передачу и выкрутил ручку газа до половины.

Дизель внутри бетонной коробки взревел так, что с потолка посыпались остатки битых плафонов.

Силас плавно, но мощно бросил сцепление, одновременно отпуская тормоз на полметра вперед.

Трос натянулся со звоном гитарной струны. Заднее шипованное колесо мотоцикла на мгновение провернулось на месте по рассыпанным перфокартам и битому триплексу, высекая

сноп искр и клубы едкого сизого дыма паленой резины, наконец вгрызлось калеными шипами в щербатую стяжку и рвануло машину вперед.

Внутри чугунного корпуса гидронасоса на стене раздался сухой, оглушительный треск, похожий на выстрел из пистолета — КРАК!

Многолетняя корка ржавчины внутри цилиндра лопнула. Длинный стальной рычаг со скрежетом пошел вниз, утягиваемый тросом, и черная смесь отработки и тосола под чудовищным давлением шестисоткубового дизеля хлынула по медным трубкам наружу, к силовому цилиндру на крановой балке над воротами.

Стрелка старого манометра на стене бешено метнулась вправо: десять атмосфер… двадцать пять… сорок… пятьдесят!

Снаружи, высоко над ущельем, там, где на стальных канатах висел пятидесятитонный чугунный противовес, глухо бухнул сработавший гидравлический замок: БАМ-М!

Первый, механический стопор отстрелил, выпустив облако ржавой пыли. Огромная чугунная болванка над воротами просела вниз на полметра, натянув стальные тросы с таким грохотом, что эхо прокатилось по всему каньону, заставив даже ревущих внизу сектантов на секунду задрать головы вверх.

Но противовес не рухнул вниз до конца.

Его удерживал второй, электромагнитный аварийный тормоз резервного контура, питающийся от геотермальной батареи в скале и связанный с той самой круглой тарелкой оптического фотореле на центральной ферме крана в двадцати метрах от окна диспетчерской.

— Первый пошел! — Силас заглушил мотор, спрыгнул с байка, отстегивая карабин троса, и подскочил к разбитому панорамному окну, выходящему прямо в пропасть над воротами. — Теперь твой выход с оптикой, глазастая! Как нам подать свет на эту тарелку, если солнце сейчас за левым гребнем скалы и вся балка в глубокой тени?!

Яна уже была у окна. Ветер на высоте тридцати метров рвал полы ее косухи и трепал волосы. Она посмотрела на круглую зеркальную линзу фотодатчика, которая тускло поблескивала в двадцати метрах от них, на самом конце ржавой консольной фермы мостового крана, нависающей над центром ворот. Затем перевела взгляд влево и вверх — туда, где на противоположной, солнечной стороне ущелья, на крыше старой вентиляционной будки, ярко светился на солнце осколок какого-то полированного металлического листа.

Но между тем солнечным пятном и датчиком на кране лежала густая тень скального карниза.

— Нам не нужно ждать, пока солнце повернется к полудню! — Яна быстро указала рукой на узкий, шириной всего в две ладони, ржавый двутавровый швеллер крановой фермы, который шел прямо от их окна к центру ущелья. На середине этой балки, метрах в десяти над пропастью, висел старый, разбитый камнепадом поворотный прожектор заливающего света с уцелевшим параболическим зеркалом-отражателем внутри. — Смотри! Косой луч солнца из-за гребня бьет вон туда, на середину крановой фермы, как раз в полуметре от того старого прожектора! Но кронштейн прожектора погнут и смотрит вниз, в чаны! Если кто-то проползет по этой балке на середину, вывернет корпус прожектора вправо, чтобы поймать солнечный луч зеркалом и направить его сюда, к окну диспетчерской… я смогу поймать этот отраженный зайчик здесь объективом своей ТР-8 и через систему призм сфокусировать его узким пучком прямо в глазок фотореле!

Силас посмотрел на узкую, обледенелую по краям железную балку, торчащую из стены над тридцатиметровой бездной, на дне которой бесновались людоеды и ревели моторы пикапов. Балка дрожала от ветра, а половина ее крепежных болтов у основания давно сгнила.

Потом он посмотрел на свою перевязанную под курткой левую ключицу, которая не позволит ему удержаться на одной руке, если нога соскользнет с ржавого металла, и на легкую, гибкую фигурку девчонки рядом.

— Даже не думай, — глухо сказал Силас, хватая ее за плечо. — Там внизу двадцать стволов. Как только ты вылезешь на эту жердочку на виду у всего ущелья, они устроят по тебе стрельбу по тарелочкам. Я поползу сам. Вес у меня больше, ветром не сдует.

— Ты со своей ключицей и ста килограммами веса обрушишь эту гнилую консоль еще на третьем метре, Силас! — Яна яростно, по-волчьи тряхнула головой, сбрасывая его руку, и сунула ему в грудь свой помповый дробовик и чехол с перископом ТР-8. — И ты не знаешь, как работать с юстировкой призм разведтрубы, этому учили меня и отца, а не тебя! Стой здесь, у окна! На мне твоя куртка — она черная, на фоне темной скалы снизу меня заметят не сразу, если ты дашь им повод смотреть в другую сторону! Прикрой меня огнем по нижнему ярусу и лови луч в объектив, когда я крикну!

И прежде чем Силас успел схватить ее за ремень, девчонка с кошачьей ловкостью диггера, всю жизнь лазившего по гнилым вентиляционным коллекторам над шахтами метро, перемахнула через разбитый подоконник и ступила носками ботинок на узкую полку двутавровой балки над бездной.

Сердце Силаса пропустило удар, ухнув куда-то в ледяную пустоту под ребрами.

На одно страшное мгновение мир перед его глазами двоился: вместо девятнадцатилетней Яны на ржавой балке над каньоном Колорадо он увидел тонкую фигурку в такой же огромной кожаной куртке, ползущую по решетке вентиляционного люка под горящей колючей проволокой карантинного барака в Неваде.

«Не смей смотреть на нее и жалеть, — яростно приказал он сам себе, до боли закусив губу и передергивая затвор АКС-74У, в который только что вставил свежий, полный бакелитовый рожок на тридцать патронов. — Жалость сбивает прицел. Работай, старик!»

На лестнице у входа в диспетчерскую огонь от зажигательной фляжки уже начал стихать, и сквозь черный дым снова полезли тени — на этот раз сектанты не шли в лоб, они подтащили снизу длинный стальной багор на цепи от лесовоза и зацепили им край дверного косяка будки, собираясь вырвать всю переднюю стену диспетчерской тягой грузовика.

А Яна уже была в пяти метрах от окна, двигаясь по двадцатисантиметровой железной полосе над пропастью приставными шагами, расставив руки для баланса. Ветер трепал ее короткие волосы; далеко внизу под ее подошвами клубился пар над мясницкими чанами и блестели белые черепа на гермоворотах.

И кто-то из стрелков внизу, у лесовоза, все-таки поднял голову и заметил маленькую темную фигурку, скользящую по крановой балке на фоне серого неба.

— НАВЕРХУ! НА КРАНЕ! СБЕЙТЕ ЕЕ В КОТЕЛ! — взревел хриплый мегафон внизу, и три стрелка на крыше кабины лесовоза синхронно вскинули винтовки, беря на прицел середину стальной фермы.

Глава 18. Солнечный зайчик над бездной

Силас не позволил стрелкам на крыше лесовоза даже совместить целик с мушкой.

Он вывалился по пояс из разбитого панорамного окна диспетчерской, уперев локоть левой, ноющей от боли руки в шершавый бетонный подоконник, усыпанный стеклом, а правой вжал приклад АКС-74У в плечо. С высоты тридцати метров кабина бронированного грузовика внизу казалась игрушечной, но в прозрачном горном воздухе он отчетливо видел каждое движение трех фигур в кожаных балахонах.

Переводчик огня стоял на автоматическом режиме. Силас знал, что из короткого ствола «Ксюхи» с выработанными нарезами прицельно положить одиночную пулю на пятьдесят метров сверху вниз под сильным боковым ветром каньона почти невозможно — легкую пулю 5.45 снесет воздушным потоком. Здесь нужно было накрывать плотностью свинца.

Он взял упреждение на полкорпуса вправо, против ветра, и зажал спуск длинной, злой очередью на десять патронов, ведя ствол по крыше кабины слева направо, как метлой.

Тра-та-та-та-та-та-та!

Грохот автомата слился со звоном сыплющихся на подоконник гильз. Внизу, на ржавой крыше лесовоза, брызнули снопы белых искр от рикошетов, и сразу двое стрелков кувыркнулись назад, в открытый кузов с клетками, выронив свои старые охотничьи карабины. Третий успел нажать на спуск, но пуля, выпущенная в падении, лишь со звонким визгом чиркнула по нижнему ребру двутавровой балки в двух метрах позади каблуков Яны, отколов чешуйку ржавого металла.

— Ползи, не останавливайся! — заорал Силас, видя, как девчонка инстинктивно присела на узкой железной полке, обхватив холодный швеллер обеими руками. — Если замрешь на месте — тебя снимут с земли из обреза! Двигайся!

Но сектанты внизу уже поняли, откуда бьет пулеметный ливень.

Водитель в зарешеченной кабине лесовоза «Мак» взревел дизелем, включил заднюю передачу и со всей дури рванул машину назад. Стальной трос лебедки, которым штурмовики секунду назад зацепили багор за дверной косяк диспетчерской вышки, натянулся со страшным, вибрирующим гулом.

Бетонная коробка будки под ногами Силаса содрогнулась так, словно под ней взорвали фугас.

Вся передняя кирпичная перегородка вместе с выбитым дверным проемом и куском потолочной балки с оглушительным треском подалась наружу. По стенам побежали черные змеи трещин шириной в ладонь; с потолка прямо на спину Силасу и на капот стоящего внутри мотоцикла KLR650 рухнул пласт мокрой штукатурки и бетонной крошки. Пол диспетчерской заметно накренился в сторону пропасти — старые анкерные опоры, державшие вышку на скальном карнизе, начали вырываться из гнезд под многотонной тягой лесовоза.

— Они валят вышку, Силас! — Яна уже добралась до середины крановой фермы, где на ржавом кронштейне болтался массивный круглый корпус старого прожектора. Она повисла на балке, обхватив ее ногами, как гимнастка на бревне, и обеими руками вцепилась в погнутую стальную дугу крепления, пытаясь развернуть тяжелую фару к солнечному пятну. — Эта дура заржавела в шарнире! Гайка на тридцать два прикипела!

Внизу лесовоз снова сдал вперед на метр, ослабляя трос, чтобы взять разгон для второго, решающего рывка, который окончательно сдернет диспетчерскую будку со скалы вместе с Силасом и мотоциклом. А по полуразрушенной лестнице, прямо по телам обгоревших товарищей, наверх уже карабкалась новая волна берсерков, накачанных «Блажью», с длинными пиками и самодельными гранатами из консервных банок, набитых порохом и рублеными гвоздями.

Времени искать гаечный ключ и ползти к ней по балке не было. До второго рывка грузовика оставалось секунд пять.

Силас посмотрел на прикипевший стальной кронштейн прожектора в десяти метрах от себя, за который сейчас безуспешно дергала Яна. Болт шарнира торчал сбоку темным ржавым пеньком.

— Руки и голову от прожектора убери! — рявкнул Силас. — Назад по балке на метр отползи и зажмурься! Живо!

Яна не стала спрашивать зачем — за этот месяц она выучила, что когда голос Силаса падает до этого низкого, рычащего регистра, нужно просто выполнять команду за долю секунды. Она мгновенно откатилась назад по швеллеру, вжавшись лицом и грудью в холодное ржавое железо и закрыв голову руками в косухе.

Силас не взял автомат — 5.45 просто прошьет тонкую сталь навылет, не дав нужного импульса. Вместо этого он правой рукой выдернул из набедренной кобуры свой тяжелый револьвер «Ругер» под патрон.357 Магнум, взвел массивный курок большим пальцем, положил ствол на сгиб левого локтя для идеальной фиксации и затаил дыхание.

Десять метров. Тяжелая экспансивная пуля весом в сто пятьдесят восемь гран с плоской свинцовой головкой.

Внизу взревел мотор лесовоза, выбирая слабину троса перед рывком.

Силас плавно дожал спуск.

БАХ!

Удар револьвера в ладонь был сухим и резким, как удар молотка. Тяжелая пуля триста пятьдесят седьмого калибра на скорости четыреста метров в секунду врезалась точно в боковую грань заржавевшего чугунного кронштейна прожектора под углом.

Раздался оглушительный металлический визг — ДЗИНЬ-КРАК!

Чугунная силуминовая шайба стопора от чудовищного кинетического удара магнума разлетелась пополам в снопе искр, а сам тяжелый корпус прожектора от импульса пули резко провернулся вокруг своей оси на девяносто градусов и замер, жалобно качаясь на одной уцелевшей петле.

И в ту же секунду уцелевшее внутри корпуса вогнутое параболическое зеркало с титановым напылением поймало косой, ослепительный луч утреннего горного солнца, бивший из-за правого гребня скалы.

Огромный, слепящий, как фотовспышка, солнечный зайчик отразился от зеркала прожектора и ударил прямо в разбитое окно диспетчерской вышки, полоснув Силаса по глазам так ярко, что даже сквозь пыль комната мгновенно озарилась белым светом.

— Держу! — Яна уже снова подтянулась к прожектору и обеими руками зафиксировала качающийся на ветру корпус, не давая ветру сбить пойманный луч с окна будки. — Лови его в трубу, Силас! Быстрее, кабина сейчас рухнет!

Внизу лесовоз рванул трос во второй раз.

ГР-Р-РЯСЬ!

Остатки передней стены диспетчерской вышки вместе с дверным косяком вырвало с корнем и швырнуло вниз, на лестничный пролет, прямо на головы лезущих туда штурмовиков секты, похоронив троих под обломками кирпича и железа. Пол под ногами Силаса просел еще на десять градусов; мотоцикл с откинутой подножкой со скрежетом пополз по наклонному бетону к открытому провалу, чудом зацепившись задним кофром за вмурованную в пол чугунную станину старого пульта.

Силас не бросился к байку. Зажав револьвер под мышкой, он схватил лежащую на подоконнике перископную трубу разведчика ТР-8, вытащенную из чехла, и выставил ее верхний рогатый объектив прямо в центр бьющего с крановой балки солнечного пятна, а нижний окуляр направил наружу, вдоль стены ущелья — туда, где в пятнадцати метрах правее, в глубокой тени над самими гермоворотами, темнела круглая приемная тарелка аварийного фотореле.

Цейссовская оптика старого советского прибора сработала как идеальная фокусирующая система. Широкий отраженный луч от прожектора, пройдя сквозь систему призм и двенадцатикратных линз перископа, сжался на выходе из окуляра в ослепительно-яркую, тонкую, как хирургический лазер, белую точку.

Руки Силаса дрожали от напряжения и крена уходящего из-под ног пола; светлая точка бешено плясала по серому бетону скалы вокруг датчика. Внизу у чанов сектанты уже поняли, что задумали чужаки наверху — из кузова второго пикапа по балке, на которой висела Яна, и по окну диспетчерской ударили сразу из нескольких винтовок. Пули щелкали по железу в дюймах от пальцев девушки, выбивая каменную крошку из подоконника перед самым лицом Силаса.

Байкер зажал корпус перископа между подбородком и перевязанным левым плечом, намертво фиксируя трубу собственным телом, и сдвинул плечо на полдюйма влево.

Ослепительная белая точка скользнула с серого камня прямо в центр круглой зеркальной тарелки фотореле.

Один удар сердца. Второй. Третий.

Селеновый фотоэлемент за толстым кварцевым стеклом датчика, спавший в темноте каньона двадцать лет, мгновенно прогрелся под сфокусированным солнечным пучком, замкнув цепь резервной геотермальной батареи в скале.

Внутри гранитного массива над воротами глухо, тяжело гукнуло силовое реле, и электромагнитный тормоз отпустил барабан лебедки.

То, что произошло в следующую секунду, оглушило все ущелье.

Пятидесятитонная чугунная глыба противовеса, висевшая на стальных канатах справа от ворот, сорвалась вниз в свободном падении.

ВЖ-Ж-Ж-БУМ-М-М!

Толстые, в руку толщиной стальные тросы со свистом и скрежетом, высекая из заклинивших чугунных блоков длинные бороды рыжих искр и клубы горелого солидола, понеслись вверх. Чудовищная масса падающего чугуна через систему полиспастов рванула вверх верхнюю трехметровую бронезаслонку вентиляционного шлюза прямо над основными гермоворотами.

Многолетняя корка льда, шлака и привязанных сектантами костей на стыках шлюза лопнула со звуком артиллерийского залпа. Тяжелая стальная плита со стоном пошла вверх по направляющим пазам, открывая черную, ведущую сквозь гору пасть технического туннеля — как раз на уровне того самого бетонного карниза, куда выходила задняя аварийная дверь диспетчерской вышки.

А сама пятидесятитонная болванка противовеса на полном ходу с тридцатиметровой высоты рухнула вниз — прямо на стоящий у левой створки ворот кипящий чан людоедов и припаркованный рядом с ним пикап.

Земля в каньоне подпрыгнула от удара. Чугунный монолит расплющил пикап в плоский железный блин вместе со стрелками в кузове, опрокинул трехсотлитровый котел с кипящим щелочным варевом прямо на толпу сбежавшихся к лестнице сектантов и поднял к небу гейзер пара, кипятка, пепла и раздробленного камня.

Внизу в клубах белого пара поднялся такой адский вой ошпаренных заживо фанатиков и бегунов, что даже рев мотора лесовоза утонул в нем.

— Назад в будку, Яна! Бегом! — Силас отбросил перископ в сумку и протянул обе руки из окна навстречу девчонке, которая уже не ползла, а буквально бежала на четвереньках обратно по вибрирующей, раскачивающейся крановой балке к окну диспетчерской.

Он перехватил ее за воротник косухи и ремень на поясе в тот самый момент, когда балка под ее ногами с протяжным металлическим стоном просела вниз — лопнул один из верхних анкеров в треснувшей стене будки. Силас одним мощным рывком вдернул ее через подоконник внутрь разрушающейся комнаты, повалившись вместе с ней на усеянный штукатуркой пол.

Диспетчерская вышка умирала.

От чудовищного сотрясения скалы при падении пятидесятитонного противовеса трещина в основании бетонного карниза под будкой разошлась до полуметра. Вся конструкция вышки с жутким скрежетом рвущейся арматуры медленно, неумолимо начала заваливаться вперед, в тридцатиметровую пропасть ущелья.

— На байк! — Силас вскочил на ноги, удерживая равновесие на уходящем из-под ног полу, одним рывком сдернул KLR650 с чугунной станины пульта и ударил по кикстартеру.

Мотор взревел с полуоборота. Яна влетела на заднее сиденье, намертво вцепившись в его разгрузку, когда угол наклона пола достиг уже тридцати градусов, и железные шкафы с перфокартами вместе с креслом мертвого диспетчера со звоном и грохотом посыпались мимо них назад, в выбитое панорамное окно, улетая в бездну.

Впереди был только один выход — узкая железная дверь в задней стене будки, выходящая на полуметровый скальный карниз, который вел прямо в открывшийся зев верхнего вентиляционного туннеля над гермоворотами. Дверь была заперта на ржавую щеколду изнутри, но открывать ее руками было уже некогда — пол под задним колесом мотоцикла с глухим вздохом обвалился вниз, открывая под ними тридцать метров пустоты.

Заднее шипованное колесо на долю секунды повисло над краем обрушения, зацепившись лишь крайними грунтозацепами протектора за торчащий прут стальной арматуры.

Силас бросил сцепление на полном газу и перенес весь свой вес на руль, буквально ложась грудью на переднее крыло.

Стальные шипы с визгом провернулись по арматуре, выбив сноп искр, и многотопливный дизель вышвырнул тяжелую машину вперед, вверх по обрушивающейся в пропасть бетонной плите пола.

Переднее колесо KLR650 на полном ходу выбило заднюю железную дверь диспетчерской вместе с коробкой наружу, на узкий скальный карниз. И в ту же секунду за их спиной вся бетонная будка вышки окончательно оторвалась от скалы и с грохотом, похожим на обвал горного ледника, рухнула вниз, погребая под десятками тонн бетона и стальных балок и лестницу, и остатки чанов, и пытавшийся сдать назад лесовоз «Сынов Искупления».

Силас даже не обернулся на облако серой каменной пыли, поднявшееся из ущелья за спиной.

Удерживая ревущий мотоцикл на полуметровом гранитном карнизе над пропастью на одной чистой инерции, он заложил руль влево, нырнул под поднятую стальную плиту верхнего шлюза и с ходу влетел в спасительную, гулкую темноту сквозного туннеля под Континентальным водоразделом.

Включилась головная фара, выхватив из мрака ровный, не тронутый временем и бомбежками бетонный пол технического коллектора, уходящего на юг. Дорога к Денверу была открыта.

Силас проехал вглубь туннеля метров триста, пока грохот обвала снаружи не превратился в глухое эхо, и только тогда плавно выжал тормоз, останавливая тяжело дышащую, парующую тосолом из пробитого кожуха машину посреди бетонного коридора.

В луче фары кружилась редкая сухая пыль. Было тихо.

За его спиной Яна медленно разжала руки, сняла с головы каску и уткнулась лбом ему между лопаток, тяжело, прерывисто дыша. Ее била мелкая, неудержимая дрожь после прогулки по балке над пропастью, но когда она подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида на потное, черное от пороховой копоти лицо Силаса, на ее губах играла кривая, чисто байкерская ухмылка.

— А ты говорил, с парашютом выходить придется, старик, — хрипло выдохнула она, похлопав ладонью в испачканной сажей перчатке по целому бронированному кофру с тубусами вакцины. Пальцы ее еще мелко дрожали от выброса адреналина, но в голосе звенело торжество. — Цейссовская оптика — великая вещь. Жаль только, тосол почти весь в их проклятый плунжер вылили. До Денвера не вскипим?

Силас покосился на стрелку датчика температуры двигателя, уже ползущую к правой отметке, а затем перевел взгляд в черную перспективу туннеля, откуда тянуло ледяным дыханием южного склона хребта и сыростью подземных водотоков. В зеркале заднего вида он видел, как на бледной щеке Яны под ссадиной от рикошета проступает румянец.

— Впереди за перевалом пойдут дренажные лотки, наберем талой воды в рубашку охлаждения, — глухо ответил он, доставая из нагрудного кармана мятую пачку самокруток и зажимая одну в углу губ. — А вот то, что ты у меня из-под носа последнюю банку отработки на этот ржавый золотник извела — это я тебе припомню на первой же стоянке в депо, напарница. Сама полезешь под буксы старых вагонов мазут соскребать, чтобы цепь не звенела.

Он чиркнул зажигалкой, прикурил, осветив на миг белые буквы «ПРОРОК» на баке, и снова включил первую передачу.

Мотоцикл мягко тронулся с места, и его одинокий желтый луч поплыл дальше на юг, разрезая двадцатилетнюю тьму подземелья.

Глава 19. Эхо подземных рельсов

Туннель за водоразделом мало походил на те сырые, давящие гнилым крепежом рудничные штольни Вайоминга и Айдахо, откуда им приходилось прорываться неделю назад. Это была капитальная, двухпутная магистраль стратегического назначения времен Холодной войны — «Объект 100-Юг», пробитая гигантскими проходческими щитами глубоко под телом Континентального водораздела.

Стены здесь были облицованы не сырым камнем, а тяжелыми полукруглыми тюбингами из вороненой стали, покрытыми толстым слоем консервационной смазки, которая за десятилетия превратилась в липкую, маслянистую пленку. Межрельсовое пространство было выложено чистым, отсыпанным щебнем гранитным балластом, по которому не ступала ни одна живая тварь — ни слепые щелкуны, ни бегуны-фрикеры. Здесь было слишком холодно для них, а главное — слишком сухо. Мощная довоенная система осушения, запитанная от автономных геотермальных турбин глубокого залегания, продолжала работать в автоматическом режиме, тихо гудя где-то за стальными переборками технического уровня.

Шинный протектор KLR650 шуршал по гравию на малом газу. Силас держал обороты едва выше холостых, экономя остатки полусухого картера и остывающий антифриз. Фара выхватывала из темноты белые эмалированные указатели на стенах: «УЧАСТОК 42 — СКОРОСТНОЙ ТРАНЗИТ», «ВНИМАНИЕ: ЗОНА СТРОГОГО КОНТРОЛЯ».

— Силас… — голос Яны нарушил гулкую, монотонную тишину перегона. Она сидела за его спиной, прижавшись щекой к пробитому пулевым рикошетом плечу его куртки. Рука ее держала автомат стволом вниз, а вторая легла на боковой кофр с ампулами фага. — Ты молчишь уже миль десять. У тебя плечо снова закровило? Я чувствую сквозь сукно… липкое.

Силас бросил взгляд на зеркало, где в тусклом отсвете заднего габарита отражалось ее бледное, осунувшееся под респиратором лицо.

— Не плечо, — хрипло отозвался он, не поворачивая головы, чтобы не дергать зашитую ключицу. — Плечо заживет, собака до свадьбы затянется. Я думаю о тех ребятах из внешней разведки «Ковчега-7», которые выводили нас через минные поля западного сектора. О молодом связисте Томми, чей респиратор ты сейчас носишь на шее, и о его напарнике с перебитой голенью, оставшемся у гермозатвора.

— Они знали, на что шли, — тихо ответила Яна, и в ее тоне прозвучала та суровая, выжженная взрослость, которой не должно быть в девятнадцать лет. — Обходчики серой зоны. В метро за такую работу давали двойной паек грибного супа и ампулу антибиотика на семью. Каждый день ты идешь в туннель, зная, что за спиной может обрушиться свод или выскочить стая. Разница лишь в том, что у них за спиной был бункер со стеклянным куполом и чистой водой, а у нас… у нас была только сырость Кольцевой.

— Дело не в пайках, Яна, — Силас сбавил газ перед плавным изгибом пути, где рельсы уходили в сторону большого подземного депо. — Дело в этих браслетах. «Цербер». Помнишь? Мы шли через всю Пустошь, спасаясь от «Упокоителей» и «Легиона», потому что знали: те люди снаружи — фанатики, мясники, садисты. С ними все понятно. У них на лбу написано, что они перережут тебе горло ради канистры бензина или куска кожи. А эти… они носят чистые белые костюмы, сажают сады под стеклом, спасают человечество… а потом просто включают термитные горелки на входе, если их собственный сын оступился на шпалах. Где грань, мелкая? Между теми, кто жрет людей у чанов в аванпосте, и теми, кто сжигает своих заживо по сигналу таймера на запястье?

Яна не ответила сразу. Мотоцикл выкатился в просторный зал подземного депо — гигантский бетонный каньон, где на запасных путях замерли ряды ржавых довоенных электровозов с выбитыми окнами. В центре зала возвышался остров автоматической диспетчерской

с выбитыми кинескопами мониторов и вывороченными с корнем релейными шкафами. Под высокими бетонными сводами пахло вековой сухой ржавчиной, креозотом шпал и остывшим шлаком.

Когда Силас заглушил мотор, в депо наступила такая глубокая, ватная тишина, что было слышно, как остывает и тонко пощелкивает раскаленное оребрение цилиндра KLR650 да капает с пробитого кожуха зеленоватая капля тосола на гравий. Яна спрыгнула с подножки, разминая затекшие в коленях ноги, и медленно подошла к мертвой панели управления, проводя пальцами по бархатному слою серой вековой пыли.

— Грань в том, что те, у чанов, хотят сделать из этого мира одну большую скотобойню навсегда, — произнесла она, не оборачиваясь. — Им нравится эта темнота. Им нравится жрать чужую плоть и чувствовать себя хозяевами пепла. А эти… в «Ковчеге»… они построили свой купол не потому, что хотели отгородиться от всех навсегда. Они ждали, пока кто-то принесет им формулу. Ждали нас, Силас. Если бы они были просто трусами, они бы не стали держать открытым тот аварийный шлюз в конце туннеля и не содержали бы корпус обходчиков, рискующих головой ради проверки связи. Да, они напуганы. Да, они заперли двери на замок. Но в их силах сделать так, чтобы через десять лет наши дети не носили респираторы. А у сектантов и у Келлера будущее только одно — могила под ржавым железом.

Силас помолчал, слезая с байка и морщась от резкой боли в пробитом плече. Он подошел к ней, тяжело опираясь рукой о холодный металл пульта, и достал из кармана пачку сигарет — ту самую, последнюю, которую пограничник на заставе Айдахо отдал ему за горсть патронов. Щелкнул тугим колесиком старой бензиновой зажигалки.

Короткий желтый язычок пламени выхватил из полумрака его обветренное, изрезанное глубокими складками лицо, седую щетину на впалых щеках и усталые, но цепкие глаза.

— Когда ты начинаешь рассуждать как Илья Матвеевич, мелкая, мне хочется проверить, не подменили ли тебя в том бункере, — Силас выпустил струйку горького сизого дыма под свод депо и протянул здоровую правую руку, коротким, почти отцовским жестом поправив сбившийся воротник своей старой косухи у нее на шее. — Но в одном ты права: пока этот груз у нас за спиной, сдохнуть мы права не имеем. Набери вон из того пожарного гидранта у колонки отстоявшейся воды в флягу — плеснем в радиатор пол-литра, чтобы головку не повело на подъеме. До выхода в старый автомобильный туннель Айзенхауэра осталось миль двенадцать.

Они снова тронулись в путь, углубляясь во тьму восточного перегона. На запястье Силаса больше не тикал чужой смертный приговор, а в кофрах за спиной лежало двести ампул жизни. И впервые за двадцать лет бесконечной зимы дорога впереди не была покрыта сплошным слоем радиоактивного пепла.

Глава 20. Белый туман Айзенхауэра

Через двенадцать миль идеальные чугунные тюбинги стратегического коллектора закончились, упершись в распахнутые настежь технические шлюзы. За ними рельсы оборвались, и колеса KLR650 выкатились на широкий, в четыре полосы, бетонный хайвей, стиснутый сводами грандиозного горного туннеля.

На облупившемся зеленом щите под потолком, тронутом ржавчиной и копотью старых пожаров, еще читались светоотражающие буквы: «EISENHOWER MEMORIAL TUNNEL. ELEVATION 11,158 FT. EASTBOUND — DENVER».

Силас выжал сцепление и остановил мотоцикл у бетонного разделительного бордюра.

Здесь не работали геотермальные осушители правительственного объекта. Воздух в старом автомобильном туннеле на высоте трех с половиной километров над уровнем моря был густым, ледяным и абсолютно мертвым. Но самое странное — он не был черным. Туннель впереди заполнял плотный, молочно-белый туман, который клубился на высоте человеческого роста, мягко обтекая сотни застывших в вечной пробке легковых машин, автобусов и перевернутых трейлеров.

Луч фары мотоцикла не пробивал эту белую вату дальше чем на десять шагов — свет просто вяз в миллионах мельчайших жирных хлопьев, которые медленно, словно первый октябрьский снег, парили в неподвижном воздухе и оседали на матовый черный бак с надписью «ПРОРОК».

Силас поднес ладонь в беспалой перчатке к лицу, поймал одну такую снежинку и растер между пальцами. Она не растаяла от тепла кожи — наоборот, размазалась скользким, маслянистым белым следом, от которого даже сквозь фильтр противогаза пахнуло сладковатым миндалем и эфиром.

— Споры «Белой Жатвы», — тихо сказал Силас, и его рука сама собой легла на затвор «Ксюхи». — Высокогорный мутант кордицепса. Тот самый, из которого проповедник Иоанн варит свою «Блажь». Не вздумай снимать респиратор, Яна. У тебя иммунитет к заражению крови, но эта пыль — чистый нейротоксин. Три вдоха без угольной коробки — и начнешь видеть мертвецов из своего детства, пока сердце не встанет от спазма.

Яна за его спиной молча проверила прилегание трофейной резиновой полумаски респиратора к скулам и сняла с предохранителя помповый «Ремингтон».

— Откуда здесь такая концентрация? — ее голос сквозь клапан респиратора звучал глухо, настороженно. Она привстала на подножках, всматриваясь поверх крыш брошенных седанов в молочную пелену. — В автомобильных туннелях всегда сильная сквозная тяга из-за перепада высот между западным и восточным порталами. Туман должно было выдуть наружу, в долину.

— Должно было, — согласился Силас, глядя на стрелку температурного датчика двигателя, которая уже вплотную подобралась к красной зоне: вытекший в диспетчерской тосол давал о себе знать, мотор грелся даже на холостых. — Если только кто-то специально не замуровал восточный выезд и не превратил этот туннель в двухмильную оранжерею для сбора урожая.

Он тронул байк с места на первой передаче, не прибавляя газа, чтобы рокот одноцилиндрового дизеля не будил эхо под бетонными сводами.

Ехать приходилось почти на ощупь, змейкой огибая вмерзшие в лед и поросшие белым бархатом мицелия бамперы довоенных машин. Туннель Айзенхауэра был гигантским склепом эпохи эвакуации тринадцатого года. Но чем глубже они продвигались на восток, тем сильнее менялась картина внутри автомобилей.

В первых рядах в салонах сидели обычные высохшие мумии в зимних куртках — люди, замерзшие в своих машинах двадцать лет назад, когда встали вентиляторы и кончился бензин в баках. Но через полмили дверцы всех машин оказались распахнуты настежь. Салоны были пусты. Ни костей, ни сумок, ни даже старой обшивки сидений.

А еще через двести метров туман слегка расступился в районе широкого технологического кармана перед вентиляционной шахтой, и Яна резко вцепилась пальцами в плечо Силаса.

— Стоп. Выключи фару.

Силас мгновенно щелкнул тумблером на руле и зажал тормоз, останавливая мотоцикл за высоким кузовом проржавевшего почтового фургона «FedEx».

Впереди, в пятидесяти метрах, прямо посреди четырехполосного полотна горели десятки толстых жировых свечей, слепленных из человеческого сала и воткнутых прямо в глазницы черепов, расставленных вдоль бетонного отбойника. В этом желтом, колеблющемся мареве посреди дороги возвышалось то, откуда брался белый туман.

Три старых туристических автобуса «Грейхаунд» были поставлены треугольником, а пространство между ними до самого потолка туннеля заполняла чудовищная, пульсирующая гроздь белого мицелия. И прямо в эту живую, дышащую грибную плоть были вплетены люди.

Десятка три человек — те самые водители и пассажиры из брошенных машин, или захваченные сектантами караванщики с перевалов. Но они не были мертвы, и они не были обычными щелкунами. Их тела, обнаженные до пояса, были намертво врощены спинами и ребрами в толстые белые стволы споровика; в вены на их шеях входили тонкие полупрозрачные корневые гифы гриба, которые качали из еще бьющихся сердец теплую кровь, перерабатывая ее в густой белый аэрозоль, с шипением вырывающийся из раскрытых, беззвучно кричащих ртов этих живых инкубаторов.

А внизу, под этими живыми деревьями, на коленях в белом тумане стояли четверо сектантов «Жатвы» в длинных кожаных фартуках и респираторах, переделанных из старых противогазов, с привязанными к поясам стеклянными колбами. Они бережно, словно монахи, собирающие мирро с плачущих икон, соскребали серебряными ложечками густую белую пену с губ и подбородков вросших в грибницу мучеников.

И из старых, хрипящих рупоров громкой связи туннеля под самым потолком, перекрывая мерное шипение спор, лился мягкий, бархатный, завораживающий баритон, от которого по спине пробегал мороз:

— …Ибо сказано: не бойся плевелов белых, дитя мое, ибо они — плоть ангельская, спустившаяся в юдоль скорби нашей. Вдохни туман Его, отдай Ему боль свою, как отдали братья твои у Врат Северных, и узришь ты Сад Эдемский без зимы и железа…

— Это трансляция по кабелю с восточного портала, — одними губами прошептала Яна, прижимаясь шлемом к щеке Силаса. Ее серые глаза за стеклом респиратора горели такой холодной, чистой ненавистью, какой байкер не видел у нее даже в бою с егерями Келлера. — Проповедник сидит на выходе из туннеля. А эти люди в грибнице… Силас, они в сознании. Гриб не убивает их мозг, как обычный штамм, он держит их в вечном наркотическом сне, пока высасывает заживо. У нас есть двести ампул фага в кофре. Одна разбитая ампула в этой вентиляции убьет всю эту плантацию за пять минут и прекратит их мучения.

Силас посмотрел на копошащихся у живого алтаря сборщиков «Блажи», затем перевел взгляд за их спины — туда, где в двухстах метрах дальше по туннелю белела глухая стена из сваренных в три яруса морских контейнеров и остовов грузовиков, полностью перекрывающая восточный выезд к Денверу. Посреди этой стены темнели массивные клепаные ворота из листовой стали, у которых стоял спаренный крупнокалиберный пулемет на станине и грелись у бочки с соляркой еще шестеро штурмовиков секты.

Если они сейчас разобьют ампулу с фагом здесь — грибница начнет умирать и корчиться, вросшие в нее люди закричат от боли, и вся охрана у восточных ворот поймет, что в туннеле чужаки, заблокировав им единственный выход наружу.

Но и проехать мимо «плантации» на ревущем дизельном мотоцикле в двадцати метрах от сборщиков в гробовой тишине туннеля было невозможно.

— Ампулу оставим на десерт, когда будем за воротами, — глухо ответил Силас, оценивая взглядом узкую боковую дверь в бетонной стене туннеля прямо рядом с их фургоном, над которой висела табличка: «VENTILATION DUCT / SERVICE GALLERY B». — Посмотри наверх, под потолок. Вдоль всего туннеля над трассой идет подвесной вентиляционный короб для отвода выхлопных газов. Ширина — метра три, пол бетонный, раньше по нему ездили электрокары ремонтников.

Яна мгновенно поняла его мысль и подняла голову к потолочному перекрытию.

— Вентиляционная галерея выходит прямо за линию их контейнеров у восточного портала! — тихо выдохнула она. — Но туда ведет только узкая винтовая лестница для персонала, мотоцикл по ступеням не поднять. Здесь должен быть грузовой лифт или тельфер для подъема вентиляционных двигателей!

Силас кивнул на распахнутую железную дверь сервисной галереи в трех шагах от них:

— Там внутри шахта технического подъемника. Я вижу тросы. Но если мы запустим электролебедку здесь, в тишине, вой редуктора услышат эти монахи с ложками через секунду.

— Не услышат, — жестко сказала Яна, снимая с пояса одну из двух трофейных армейских фляжек с чистым медицинским спиртом, которые они взяли в лаборатории «Ковчега», и вытаскивая из кофра одну-единственную стеклянную ампулу с голубоватой жидкостью «Штамма-Яна» в стальном защитном тубусе. — Если в тот же момент, когда ты нажмешь кнопку подъемника, у них под носом начнет гореть и рассыпаться в прах их «священный сад», им будет совсем не до шума в сервисной шахте. Охрана от ворот сама побежит сюда спасать урожай, и восточный выезд останется пустым!

Силас посмотрел на хрупкую ампулу в ее пальцах — одну из двухсот, ради которых погиб Пророк и которые они везли через полконтинента.

— Это чистый маточный концентрат для целого жилого сектора в Денвере, мелкая, — тихо, испытывая ее взглядом, произнес Силас. — Не жалко тратить ампулу на четырех безумных калек с ложками?

Яна посмотрела сквозь белесое марево на вросшую в грибную колонну женщину у борта автобуса: по ее иссохшему, обтянутому пергаментной кожей плечу ползли пульсирующие гифы, веки подрагивали в бесконечном кошмаре, а из уголков глаз по белой коре текли густые темные капли. Девушка перевела взгляд обратно на Силаса — прямой, твердый и беспощадный.

— Если мы сейчас проедем мимо и оставим их гнить заживо ради арифметики, Силас, мы сами ничем не будем отличаться от тех чистюль в «Ковчеге», которые включали горелки перед своими, — негромко отрезала она, зажимая в кулаке холодный стальной тубус. — Вакцина создана, чтобы возвращать людям человеческий облик. Даже если это право умереть человеком, а не грибной грядкой для чужого дурмана. Денверу хватит и ста девяноста девяти ампул. Закатывай байк в шахту тельфера и ищи рубильник. Работаем по моему сигналу!

Глава 21. Пепел Белого Сада

Сервисная галерея «Б» встретила их запахом сырого бетона, прогорклого солидола и густой, обволакивающей темнотой, которую лишь слегка разгонял тусклый красный светодиод на резервном щите управления.

Силас и Яна, навалившись плечами на руль и заднюю дугу багажника, беззвучно вкатили тяжелый KLR650 через дверной проем на решетчатый стальной настил грузового подъемника. Колеса с мягким резиновым шорохом встали в направляющие желоба платформы.

Силас не спешил тянуться к рубильнику. Опыт старого диггера и выживальщика заставил его сначала поднять луч фонаря с красным светофильтром вверх, в уходящую на десять метров вертикальную шахту.

И не зря.

Сектанты «Жатвы» знали об этом обходном пути к верхнему вентиляционному коробу. Шахта не была просто заперта — она была превращена в механическую мясорубку.

На высоте трех метров над платформой, прямо поперек направляющих рельсов подъемника, тускло блестела натянутая как струна нихромовая проволока. Один ее конец уходил к кольцу трофейной противопехотной мины направленного действия M18A1 «Клеймор», примотанной синей изолентой и колючей проволокой к чугунной станине стены так, чтобы веер из семисот стальных шариков ударил строго вертикально вниз — прямо в темечко любому, кто поедет на лифте вверх.

Но это была лишь первая ступень. Выше, под самым потолком шахты, главный приводной вал тельфера был намертво заблокирован массивным зубчатым храповиком аварийного уловителя, от рычага которого вниз, вдоль левой стены, тянулась ржавая цепь с подвешенными к ней пустыми консервными банками, коровьими колокольчиками и человеческими берцовыми костями — примитивная, но безотказная звуковая сигнализация. Если включить электромотор подъемника, не сняв храповик с зубьев, редуктор просто срежет предохранительную шпильку от перегрузки, а цепь поднимет такой звон, что сбежится весь туннель.

— Грамотно поставили, суки, — беззвучно, одними губами произнес Силас, указывая Яне кончиком ствола автомата сначала на «Клеймор» над их головами, а затем на заклиненный вал вверху. — Видишь схему? Проволока от чеки привязана не к стене, а к самой раме нашего лифта. Стоит платформе подняться на десять сантиметров — струна натянется и выдернет шплинт взрывателя. А чтобы освободить верхний храповик и не зазвенеть костями на цепи, нужно залезть по боковому скоб-трапу под самый потолок, зажать громыхала тряпкой и отжать собачку стопора монтировкой вручную в тот самый момент, когда я дам ток на лебедку.

Яна задрала голову, оценивая расстояние через стекла респиратора.

— Восемь метров по скобам в стене, — шепотом ответила она, уже перекидывая дробовик за спину и проверяя в кармане косухи стеклянную ампулу с голубоватым фагом. — До «Клеймора» я дотянусь отсюда, если встану тебе на здоровое плечо и перекушу проволоку у самого ушка шплинта до того, как полезем выше. Кусачки под рукой?

Силас молча вытащил из набедренного подсумка тяжелый мультитул «Лезерман» с каленными губками кусачек, раскрыл его и встал вплотную к левой направляющей шахты, упершись здоровой правой рукой в холодную стальную балку.

— Залезай. Только на левую ключицу не дави — спица еще свежая. И когда будешь резать нихром, держи саму вилку шплинта пальцами второй руки: у старых армейских мин пружина взрывателя иногда прослаблена от ржавчины, от простого щелчка проволоки может сдетонировать капсюль.

Яна кивнула, поставила носок ботинка сначала на его согнутое колено, затем легко, почти невесомо переступила на его правое плечо, придерживаясь одной рукой за мокрую бетонную стену шахты.

Мина висела прямо на уровне ее глаз. Выгнутый серый пластиковый корпус с выдавленной надписью «FRONT TOWARD ENEMY» был густо обмазан вонючим человеческим жиром вперемешку с белой плесенью — своеобразное «благословение» сектантов. Из верхнего гнезда торчал латунный механический взрыватель, от разведенных усиков шплинта которого вниз уходила тонкая, почти невидимая в полумраке нить.

Яна задержала дыхание. Внизу, под ее каблуками, она чувствовала мерное, тяжелое биение сердца Силаса и то, как каменеют мышцы его спины, удерживая ее вес без малейшего покачивания. Снаружи, из основного туннеля, сквозь приоткрытую дверь все так же доносился бархатный голос проповедника из динамиков и тихое, ритмичное позвякивание серебряных ложечек о стеклянные колбы — сборщики урожая приближались к их почтовому фургону.

Левой рукой без перчатки Яна осторожно, двумя пальцами зажала головку шплинта во взрывателе, фиксируя ее намертво. Правой подвела губки кусачек к натянутой струне в сантиметре от кольца и плавно сжала рукоятки.

Дзинь.

Нихромовая нить лопнула с едва слышным комариным писком и безжизненно повисла вниз вдоль рамы лифта.

Но Яна не остановилась на этом. Вместо того чтобы просто оставить мину на стене, она аккуратно перерезала ножом изоленту крепления, сняла полуторакилограммовый серый брусок «Клеймора» со станины и развернула его на сто восемьдесят градусов — выпуклой боевой стороной наружу, прямо в сторону входной двери из туннеля, прижав корпус к железным перилам шахты. Короткий обрывок проволоки от чеки она намотала на дверную ручку с внутренней стороны.

— Сюрприз для тех, кто решит заглянуть к нам на огонек, — тихо выдохнула она, перехватываясь руками за верхние стальные скобы, вбитые в бетон стены, и начиная быстро, по-обезьяньи взбираться вверх, под самый потолок шахты, где темнел массивный чугунный редуктор.

Добравшись до верхней площадки тельфера, она достала из подсумка промасленную ветошь, которой они протирали оптику, плотно обмотала ею верхнее звено сигнальной цепи с костями, глуша любой возможный звук, и вставила конец стальной монтировки в паз подпружиненного храповика.

— Я на месте! — еле слышно прошептала она сверху, глядя вниз, где у щитка управления стоял Силас.

Байкер проверил положение пакетного переключателя на стене — три фазы, триста восемьдесят вольт от той же резервной геотермальной линии, что питала вентиляцию. Затем он бесшумно шагнул к выходу из сервисной галереи, выглянул из-за кузова почтового фургона в молочный туман туннеля и поднял правую руку с зажатой в ней стеклянной ампулой фага и открытой фляжкой спирта, которую ему перед подъемом передала Яна.

Четверо сборщиков «Блажи» в кожаных фартуках находились всего в пятнадцати метрах.

Один из них — старик с выбритым черепом, покрытым синими татуировками мицелия, — как раз поднес полную стеклянную банку с собранной белой пеной к горящей жировой свече, любуясь тем, как споры светятся в тепле.

Силас вытащил из кармана кусок сухой ветоши, сунул его в горлышко фляжки со спиртом, примотал к алюминиевому боку фляги тонкую стеклянную ампулу со штаммом вакцины синей изолентой, чиркнул зажигалкой по фитилю и с короткого, мощного размаха здоровой руки швырнул этот гибрид «коктейля Молотова» и биологической бомбы поверх крыши фур-

гона — точно в центр трех составленных автобусов, в самое основание гигантской белой грибницы.

Фляжка описала плавную огненную дугу в густом тумане и с глухим стуком ударилась о стальной бампер «Грейхаунда» прямо у корней главного ствола споровика.

ПШ-Ш-БУХ!

Спирт вспыхнул не так, как бензин — не черным чадящим костром, а чистым, почти прозрачным голубым пламенем, мгновенно дав резкий тепловой импульс. Тонкое стекло ампулы лопнуло от жара, и концентрированный раствор живого бактериофага «Штамм-Яна», подхваченный восходящим потоком горячего воздуха от горящего спирта, превратился в мелкодисперсное облако пара, которое сама грибница тут же жадно втянула в свои дыхательные поры-устьица.

Первые две секунды ничего не происходило. Четверо сборщиков у автобусов лишь испуганно шарахнулись назад от голубой вспышки, хватаясь за висящие на поясах мясницкие тесаки и обрезы.

А на третью секунду «Белый Сад» начал умирать.

Это было зрелище, от которого даже у видавшего виды Силаса перехватило дыхание.

Вирус-фаг, стабилизированный антителами Яны, действовал на мутировавший кордицепс как концентрированная серная кислота на сахарную вату. От точки падения ампулы вверх по пятиметровым белым колоннам мицелия со скоростью бегущего огня побежала черная, обугленная волна некроза. Живая, пульсирующая плоть гриба, которая двадцать лет не боялась ни радиации, ни мороза, ни пулеметного огня, вдруг начала стремительно чернеть, съеживаться и лопаться с оглушительным, влажным треском — словно на раскаленную сковородку бросили тысячи дождевых червей.

Толстые корневые гифы, впившиеся в шеи и грудные клетки тридцати врощенных в автобусы пленников, мгновенно высохли, превратившись в хрупкую серую золу, и рассыпались от малейшего дуновения сквозняка. Белый наркотический туман вокруг автобусов буквально на глазах сворачивался серыми хлопьями мертвой пыли и оседал на асфальт, открывая чистый, прозрачный воздух туннеля.

Люди, висевшие в грибнице, с глухим стоном начали вываливаться из рассыпающихся в прах коконов на капоты машин — живые, дышащие, впервые за многие месяцы очнувшиеся от бесконечного кошмара «Блажи».

А четверо сборщиков секты, увидев, как их священное божество за десять секунд превращается в кучу вонючей черной трухи, издали такой дикий, полный первобытного ужаса и отчаяния вопль, что он перекрыл даже голос проповедника из репродукторов:

— САД! БЕЛЫЙ САД ЧЕРНЕЕТ! СКВЕРНА! СКВЕРНА В ТУННЕЛЕ! КО МНЕ, БРАТЬЯ, СПАСАЙТЕ СЕМЯ!

И ровно в этот миг у восточных ворот, за стеной морских контейнеров в двухстах метрах впереди, загрохотали засовы.

Вся смена охраны восточного портала — шестеро бойцов во главе с пулеметчиком, бросившим свою турель у ворот, — с криками, размахивая факелами и винтовками, кинулась бегом внутрь туннеля к автобусам, не понимая, кто и чем поджег их главную плантацию.

Силас не потерял ни секунды. Он метнулся обратно в темный проем сервисной галереи, плотно притворил за собой железную дверь (взведя тем самым нить установленного Яной «Клеймора» на ручке), вскочил на платформу лифта рядом с мотоциклом и со всей силы вдавил вниз черную эбонитовую рукоятку главного рубильника.

Наверху, под потолком шахты, Яна одновременно навалилась всем телом на монтировку, отжимая заклинивший зуб храповика от шестерни вала.

КЛАЦ! ВЖ-Ж-Ж-Ж!

Трехфазный электродвигатель тельфера под куполом шахты взвыл на низких оборотах, из-под щеток брызнули синие искры, и толстые стальные тросы с рывком натянулись. Решетчатая платформа под ногами Силаса вздрогнула, оторвалась от бетонного пола и со скоростью около метра в секунду поползла вверх вдоль сырых стен шахты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.